

Как Далай-лама XIV помог мне понять И. Я. Лойфмана

Приступая к нижеизложенному, сразу отмечу, что в нем представлена история одного моего личного озарения. Подчеркну – исключительно личного. Вполне допускаю, что кому-то рассказанное здесь покажется общеизвестным и даже банальным. Но в желании представить это личное открытие на общее обозрение меня поддерживает мысль о том, что, возможно, в ком-то из читателей этого текста пережитое мной как открытие тоже найдет отклик; ведь надо признать, это распространенный вариант личного прозрения, когда, казалось бы, очевидное, лежащее на поверхности вдруг открывается с новой стороны, когда люди вдруг осознают действительный смысл слов, до того много раз произносимых. Но, конечно, главное, позволяющее мне именно сегодня делиться своим озарением, – то, что оно связано с Исааком Яковлевичем Лойфманом.

В разговорах об Исааке Яковлевиче мы, его ученики, знавшие и любившие своего учителя на протяжении многих лет, довольно часто возвращались вот к какой теме.

На легендарных консультациях и в вольных беседах Исаак Яковлевич открывался нам как мудрец и как человек, несомненно, ориентированный на гуманитарную культуру. Причем в широких границах культуры: он был чуток к высокому искусству; считал заслуживающими самого пристального внимания философа народные пословицы и поговорки; в естествознании особый интерес у него вызывала именно история науки, личность исследователя. Да и в сфере собственно философии он без всякой вражды и даже ласково мог оценить «идейно чуждые» философские направления, сосредоточенные на анализе тонких культурных и личностных материй. Конечно, подобную оценку он позволял в контексте, которому доверял, и в тех формах, которые «не выходили за рамки». В связи с последним (с ласковой оценкой «идейно чуждых тонкостей») мне вспоминается его поразительная рецензия на мою методичку по теории познания экзистенциализма. Тема эта досталась мне на заседании кафедры по разнарядке и поначалу казалась рутинной обязанностью, но неожиданно увлекла, и в исследовательском азарте я выдал на-гора страниц тридцать-сорок рукописного текста. Отпечатать на машинке методичку или статью, не говоря уж о диссертации, в докомпьютерную эпоху (для тех, кто этого не знает) было большой проблемой; у нас на кафедре этим даром, среди прочих своих талантов, обладал только незабвенный Дан (Даниил Валентинович) Пивоваров, остальным надо было стоять в очереди к секретарям-машинисткам, которые были в общем-то людьми отзывчивыми, но занятыми. Короче, свой многостраничный труд я в нарушение норм, хотя и не очень строгих, отдал рецензенту – а им был И. Я. Лойфман – в рукописном виде. Исаак Яковлевич принял текст без выражения неудовольствия, что тоже характеризует его. Впрочем, сейчас речь не об этом. Я с трепетом стал ждать рецензию: повторюсь, писал я с увлечением и многое открыл для себя в ходе той работы. И вот Лойфман вручает мне рецензию; ошарашено смотрю на листочек, где замечательным почерком Исаака Яковлевича переписано... стихотворение Рильке. Никаких выводов, вроде «принять за основу», никаких замечаний о том, в каком направлении дорабатывать и пр. Стихотворение (причем довольно длинное) – и всё! Но

* **Иван Измайлович Субботин**, канд. филос. наук, доцент, ранее – доцент УрГУ и УрГУПС, ныне – предприниматель (г. Екатеринбург).

при этом стихотворение Рильке, действительно, очень точно переключалось с феноменологической трактовкой познания...

Так вот: Рильке, история тетра и науки, пословицы и поговорки и много еще чего, а главное, образ жизни мудреца – это с одной стороны. А с другой, в лекциях по диамату, в спецкурсах, которые читал Исаак Яковлевич и которые были прекрасно выстроены и высоко ценились всеми добросовестными слушателями, в этих лекциях тонкие материи мира культуры были затушеваны. В них представал вроде бы другой Лойфман: сциентист, ортодоксальный проповедник материализма и диалектики. Восхищаясь первой ипостасью своего учителя и отдавая должное второй, мы всё же считали эту вторую вынужденной формой существования, своеобразной маской, с которой Исаак Яковлевич талантливо сжился и которую сделал своим вторым Я. Однако был в таком ответе какой-то изъян, ощутимый, как мне кажется, не только мной, но остававшийся без особого внимания. Ведь объяснение такой раздвоенности было вполне приемлемым: в жизни советского человека обычное дело – скрывать свои истинные убеждения, говорить эзоповым языком, маскироваться, приспосабливаться. И только спустя годы лично для себя я открыл, что и первый, и второй Лойфман были подлинными, и вторая его ипостась существовала вовсе не для прикрытия, более того: без нее первая была бы неполноценной. А сделать это личное открытие мне помог никто иной, как Далай-лама XIV.

Случилось так, что пять лет назад я оказался в больнице, предстояла операция. Пока я готовился к этой непростой процедуре, меня навещал Гена (Геннадий Эдуардович) Бурбулис. Среди прочего он считал важным снабжать больного духоподъемной литературой. Одна из принесенных им книг – «Путь истинного лидера» – представляла собой запись бесед известного консультанта по вопросам управления ван ден Майзенберга с Далай-ламой. В расслабленном состоянии, но с интересом я споро перелистывал страницу за страницей и вдруг не то что споткнулся, а просто оторопел: трудно описать мое удивление – что такое! – будто я читаю не лидера буддистов всего мира, а конспект лекций Лойфмана или учебник Руткевича. Черным по белому: принципы (концепции) причинно-следственной связи, взаимозависимости (всеобщей связи), изменчивости представляют основу правильного воззрения на мир.

Вообще-то я знал, что Далай-лама познакомился с марксистской философией еще в середине 50-х годов и сохранил приверженность ей до наших дней, что подтверждает его знаменитое выступление 2008 года в Ахмедабадском институте менеджмента (Индия), где Далай-лама заявил: «Я монах-марксист, буддист-марксист. Я принадлежу к марксистскому лагерю, поскольку в отличие от капитализма марксизм более этичен...» Но, как известно, марксизм можно понимать по-разному и ориентироваться на разные источники, преподносящие его; можно держаться разных формулировок его основополагающих принципов. И меня поразило то, что в «Истинном пути лидера» монах-марксист указывал принципы марксистской философии в том их изложении, на том языке (принцип причинно-следственной связи, принцип всеобщей связи, принцип изменчивости), которые только и были знакомы в Советском Союзе миллионам студентов, претендентам на кандидатские степени, слушателям университетов марксизма-ленинизма и многим другим. Иногда, в прямом смысле этого слова, до боли знакомы (учитывая, что изучение философии носило для этих категорий советских людей характер обязательной повинности). Это было изложение, которое не присутствует буквально у Маркса (в известной мере находим его у Энгельса в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы», но все равно иное). Оно представляет собой переработку идей основоположников, приспособленную для учебников, энциклопедий и словарей. И вот тут надо отметить следующее: такая переработка (если она, конечно,

не оторвана от жизненных истоков) дает вовсе не второсортный продукт, она – необходимый этап всякой завершенной системы философии. В этой своей завершенной форме она движется от жизни к принципу, от принципа к философской системе (не путать с системой философии) и от философской системы возвращается к жизни в виде текстов, ориентированных на разъяснение, популяризацию, на воплощение в практику и образ жизни. Формулировка воодушевивших Далай-ламу принципов позволяет предположить, что он почерпнул их именно из учебников по марксистской философии, скорее всего из переводов советских книг. Вряд ли в Китае в 54–55-м годах были другие марксистские учебники, а если и были, то, наверняка, опирающиеся на советскую философскую литературу. Да и позже, уже находясь за пределами КНР, Далай-лама мог сохранить интерес именно к переводным советским учебникам. (Кстати, если это предположение верно, любопытно было бы узнать – из каких именно.)

Однако сейчас важнее другое: прописные принципы диалектики для Далай-ламы – основа жизненных практик, этической, гуманитарной сторон жизни человека: «Понять концепцию правильного воззрения достаточно легко, однако правильное применение этой концепции требует определенных навыков... Понимание перечисленных выше принципов – это первый шаг, однако человек, принимающий решения, и после этого должен много думать, учиться приводить к общему знаменателю противоречащие друг другу цели, взвешивать краткосрочные и долгосрочные последствия и учитывать интересы разных сторон. Применение этих концепций требует практики, а с практикой приходит мастерство». И еще: «Никогда не забывайте о принципах правильного воззрения и правильного действия, активно применяйте эти принципы на практике. Это позволит вам всегда принимать правильные решения». Именно так свежему, «незамысленному» взгляду Далай-ламы открылись те принципы диалектики, которые многими из нас воспринимались школярски, поскольку достались просто по праву рождения в Советском Союзе, где их требовалось знать по вузовской учебной программе; открылись как фундамент правильных поступков человека. Если круг читателей приведенного выше текста Далай-ламы, написанного, конечно же, не по долгу службы, если этот круг ограничить нами, сдавшими в свое время экзамен по диамату, то послание авторитетнейшего лидера современного мира, да к тому же умного и искреннего человека, можно прочитать и так: уважаемые ребята, для обязательного изучения вам досталась совсем не плохая философия; умеете ее практиковать.

Возвращаясь к Исааку Яковлевичу: он-то, не афишируя того, как раз соединял концепции, которые преподносил на лекциях, с этикой, с гуманитарной сферой, с жизненными практиками. Казалось бы, «сухие» и лишённые всякого философского изыска принципы диалектики, другие положения лекций Лойфмана на самом деле были заряжены для него мощной энергией постижения мира и созидания человеком своей жизни. Никакого разрыва между первой и второй ипостасями Исаака Яковлевича, о которых сказано выше, не было. Никакой раздвоенности. Вот к такому простому выводу помог мне придти Далай-лама XIV. И даже советственно от того, что потребовалась эта помощь: ведь рядом долгие годы был сам Лойфман.

Ставлю точку и живо вижу, как Исаак Яковлевич хихикает по поводу здесь написанного.